

**ЛАЗУРНЫЙ
МИР**

ДЖЕК ВЭНС

Джек Вэнс
Лазурный мир

«Издательские решения»

Вэнс Д.

Лазурный мир / Д. Вэнс — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-502132-8

ЛАЗУРНЫЙ МИР — планета-океан с плавучими островами-кронами гигантских водорослей; на островах расположились уютные хижины и даже сигнальные башни, благодаря которым обитатели разных «плотов» могут связываться и созывать многолюдные совещания. Но не все безоблачно в ЛАЗУРНОМ МИРЕ. Острова постоянно подвергаются опасности со стороны огромной морской твари. ЛАЗУРНЫЙ МИР нуждается в мятежнике, готовом пожертвовать собой во имя освобождения соплеменников от нападений паразитирующего монстра.

ISBN 978-5-00-502132-8

© Вэнс Д.

© Издательские решения

Содержание

I	6
II	15
III	25
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Лазурный мир

Джек Вэнс

Переводчик Александр Фет

Дизайнер обложки Yvonne Less

© Джек Вэнс, 2019

© Александр Фет, перевод, 2019

© Yvonne Less, дизайн обложки, 2019

ISBN 978-5-0050-2132-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

I

Среди обитателей плотов старинные кастовые различия быстро теряли значение. Анархисты и сводники вообще вымерли; межкастовые браки перестали быть редкостью – особенно если супругами становились выходцы из каст примерно одинакового социального ранга. Конечно, устоявшемуся общественному устройству не угрожал хаос: растратчики и поджигатели сохранили традиционную высокомерную отчужденность, вымогатели все еще не могли избежать не слишком откровенного, но тем не менее всеобщего пренебрежения, а касты, тесно связанные с теми или иными ремеслами, по-прежнему функционировали эффективно. Махинаторы составляли преобладающее большинство тех, кто рыбачил на кораклах – челноках из прутьев, обтянутых оболочкой. И несмотря на то, что некогда многочисленных мародеров осталась лишь горстка, они по-прежнему заправляли красивыми работами на плоту Фей. Контрабандисты варили лак, шарлатаны драли зубы. Громилы сооружали шпалеры для губок в лагунах, а наперсточники монополизировали искусство наперстничества.

Последнее обстоятельство непременно вызывало любопытство у детей; они спрашивали: «Что было сперва – наперсточники или наперстничество?» На что старшие как правило отвечали: «Когда Космический Корабль высадил Первоплателей на благословенные плоты, в числе Двухсот были четверо наперсточников. Позже, когда построили сигнальные башни и повесили лампы, кому-то надо было открывать и закрывать наперстки лампад, и это занятие, естественно, поручили наперсточникам. Вполне может быть, что они занимались этим и раньше, пребывая в Безумных Мирах до Побег. Скорее всего. Несомненно, там тоже были лампы – кто-то же должен был открывать их наперстки, чтобы лампы перемигивались? Конечно, мы многого не знаем – того, о чем Мемуары умалчивают или упоминают расплывчато».

Независимо от того, взялись ли наперсточники за свое ремесло потому, что издавна владели необходимыми навыками, теперь редкий наперсточник не был так или иначе связан с работой на башнях – будь то монтаж наперстков и лампад, их обслуживание или наперстничество как таковое.

Другая каста, разбойники, строила в центре плота, непосредственно над главным стеблем морской поросли, сигнальные башни, как правило высотой от двадцати до тридцати метров. Обычная башня стояла на четырех опорах из плетеных или клееных прутьев, пропущенных сквозь отверстия в толще плавучего острова и соединявшихся с жестким стеблем в семи или десяти метрах под поверхностью. Навершием башни служила куполообразная кабина со стенами из расщепленных прутьев и крышей из лакированной или клееной оболочки. Реями, торчавшими по обеим сторонам башни, поддерживались квадратные решетки из трех строк по три лампы в каждой, а также наперстки и открывающие их механизмы. Окна кабины возвышались над водой достаточно, чтобы можно было видеть башни соседних плотов на большом расстоянии – до трех километров, как, например, между Зеленым Фонарем и Эдельвайном, или поблизости, если перемигивались такие плоты, как Лоймар и Многолюдный Фонд, разделенные всего лишь полукилометровым пространством.

Мастер-наперсточник сидел за панелью. Слева от него находились девять клавиш нажимных стержней, перекрестно соединенных жгутами с наперстками лампад правой решетки. В свою очередь, клавиши с правой стороны управляли наперстками левой решетки. Таким образом формируемые и принимаемые наперсточником символы становились тождественными, а не зеркально отраженными, и не вызывали никакого замешательства. Днем лампы не зажигали – ту же функцию выполняли белые мишени. Наперсточник набирал символы быстрыми движениями обеих рук, после чего нажимал пусковую педаль – в результате поднимались наперстки, заслонявшие лампы или мишени.

Каждым символом обозначалось то или иное слово; профессиональная репутация наперсточника зависела от его владения лексиконом символов и, в какой-то мере, от проворства рук, иногда поразительного. Все наперсточники умели передавать сообщения со скоростью речи; любой наперсточник знал наизусть как минимум пять тысяч символов, а некоторые мастера владели лексиконом из шести, семи, восьми или даже девяти тысяч идеограмм. Обитатели плотов умели в той или иной мере понимать эти символы: такие же идеограммы использовались при составлении архивных записей (несмотря на отчаянные протесты лихоимцев), а также для распространения публичных объявлений и уведомлений.

Орфография идеограмм была разработана первыми поколениями и носила строго систематический характер.левой группой лампад или мишеней обозначалась общая категория понятия, а правой передавалось ее конкретное уточнение. Например, левая группа, обозначающая понятие «цвет», имела следующий вид:

* * *
*
* * *

В сочетании с левой конфигурацией дополнительные символы правой группы определяли определенные цвета и оттенки:

* * * * * * * * *	(белый)
* * * * * * * * *	(черный)
* * * * * * * * * * * * * * *	(красный)
* * * * * * * * * * * * * * *	(розовый)
* * * * * * * * * * * * * * *	(темно-красный)

И так далее.

На плоту Транк, на восточной окраине архипелага, мастером-наперсточником служил некто Зандер Рохан, строгий и педантичный старик, владевший более чем семью тысячами символов. Его первый помощник, Скляр Хаст, умел передавать больше пяти тысяч символов – насколько больше в точности, он никому не сообщал. На Рохана работали еще два помощника и три ученика; ему подчинялись также два монтажника, лампадник и починявший башню прутьеплет – последний, впрочем, был не наперсточником, а из касты разбойников. Зандер Рохан оставался в сигнальной башне с раннего вечера до наступления темноты, то есть когда

плоты всего растянувшегося на восемьдесят километров архипелага чаще всего перемигивались сплетнями, объявлениями и новостями, а также извещениями о появлении Царя-Крагена.

Скляр Хаст перемигивался после полудня, а позже, когда в купол заходил Зандер Рохан, занимался обслуживанием башни и подготовкой учеников. Еще довольно молодой человек, Скляр Хаст достиг высокого положения самым простым и бесхитростным способом: он с неустанным прилежанием стремился к совершенству и внушал такой же подход ученикам. Практичный и прямолинейный, не слишком приветливый, он плохо умел проявлять такт и терпение, но ему были чужды злой умысел и коварство. Учеников возмущала его бесцеремонность, но они уважали его. Зандер Рохан считал Хаста чрезмерно самоуверенным человеком, недостаточно уважавшим тех, кто его превосходил – то есть его, Рохана. Так или иначе, Хасту было все равно. Рохану скоро предстояло отойти от дел, и должность мастера-наперсточника в свое время должен был занять Хаст. Он не спешил; в его безмятежном, ясном, никогда не меняющемся мире, где дни лениво проходили один за другим, не подгоняемые ритмом событий, торопливость не приносила существенных выгод.

Скляру Хасту принадлежал небольшой плавучий островок, он жил на нем один. Сердцевидный, метров тридцать в диаметре, островок этот плывал к северу от лагуны. У Хаста была обычная хижина из гнутых и плетеных прутьев, обтянутая оболочкой – жесткой, почти прозрачной пленкой, отделенной от нижней поверхности морской поросли. Все это было покрыто хорошо выдержанным лаком, приготовленным посредством выпаривания сока морской поросли, сгущавшего содержавшиеся в соке смолы.

В губчатой толще островка рос кустарник – плотные ряды напоминавших бамбук стержней, из которых изготавливали высококачественные прутья, а с центрального стеблевого шпилья морской поросли свисали эпифиты. Владельцы других плавучих островков прихорашивали растительность по вкусу, но Скляр Хаст не испытывал особого интереса к таким вещам, и центральный шпиль его островка представлял собой не более чем беспорядочное сплетение всевозможных стеблей, усиков, ветвей и листьев различных оттенков – черных, зеленых и ржаво-оранжевых.

Скляр Хаст знал, что ему повезло в жизни. У сложившегося положения вещей, однако, была и обратная сторона, так как свойства характера, благодаря которым Хаст приобрел престиж, должность и личный плавучий островок, не относились к качествам, позволявшим легко возвращаться в тщательно ограниченном условностями обществе обитателей плотов. В частности, сегодня после полудня Хаст ввязался в спор, касавшийся основных традиций, определявших уклад жизни на плотках. Теперь, сидя на скамье перед хижинкой и потягивая вино из пиалы, Скляр Хаст наблюдал за тем, как сиреневый диск солнца погружался в океан, и размышлял о легкомысленном упрямстве Мерил Рохан, дочери старого Зандера. Вечерний бриз поднимал на воде рябь, шелестел листьями. Хаст глубоко вздохнул – раздражение почти улеглось, он почти успокоился. Мерил Рохан могла делать все, что захочет; глупо было бы гневаться на нее, на Семма Войдервега или на кого-нибудь еще. Жизнь шла своим чередом – и, если никто не возражал, почему бы стал возражать он? Скляр Хаст ответил на этот вопрос усмешкой сожаления, понимая, что не мог вполне согласиться с таким взглядом на вещи...

Но вечер был слишком мягким, теплым и успокаивающим для того, чтобы предаваться мыслям о раздорах. В свое время все вернется на круги своя. На какое-то мгновение Хаста, смотревшего в горизонт, осенило прозрение – ему показалось, что он видит будущее, обширное и ясное, как сонный простор моря и неба. Когда-нибудь он женится на одной из девушек, которых нынче испытывал... «И тогда – прощай, одинокая жизнь!» – с тоской подумал он. Спешить было некуда. В том же, что касается Мерил Рохан... Нет, и в ее случае тоже. Она занимала его мысли только из-за ее упрямых, извращенных планов в отношении Семма Войдервега. Об этом не хотелось думать.

Скляр Хаст осушил пиалу. Глупо тревожиться, глупо беспокоиться! Жизнь удалась. Над лагуной нависли шпалеры, поросшие питательными губками; будучи очищены, ошипаны и сварены, губки составляли основной рацион обитателей плотов. Лагуна, защищенная от океанских хищников, кишела съедобной рыбой. Вокруг было много другой еды: споры морской поросли, различные усики и клубни – не говоря уже о высоко ценившейся плоти серорыбицы, выуженной из океана махинаторами.

Скляр Хаст налил себе еще пиалу вина и, прислонившись к стене хижины, взглянул наверх – туда, где уже сияли созвездия. Посреди южного небосклона мерцало скопление из двадцати пяти ярких звезд – традиция гласила, что именно оттуда прибыли предки, бежавшие от преследований обуреваемых манией величия тиранов. Двести представителей различных каст успели высадиться прежде, чем Космический Корабль затонул в океане, окружавшем непрерывной гладью весь мир. Двенадцать поколений спустя, теперь их было уже не двести, а двадцать тысяч человек, рассеявшихся по восьмидесятикилометровому архипелагу плавучей морской поросли. Касты, ревностно защищавшие свою обособленность на протяжении первых поколений, постепенно приспособились одна к другой и даже начали смешиваться. Почти ничто не нарушало беззаботный уклад жизни, лишенной серьезных опасностей и неприятностей – за исключением, пожалуй, Царя-Крагена.

Скляр Хаст поднялся и подошел к краю плота, где только позавчера Царь-Краген начисто обобрал три его шпалеры. Аппетит Царя-Крагена, а также его масса, росли с каждым годом, и Хаст пытался представить себе, насколько громадным может в конце концов стать этот монстр. Существовал ли предел его росту? На протяжении жизни Хаста Царь-Краген заметно вырос и теперь достигал, наверное, метров двадцати в длину. Хаст нахмурился, глядя на западный морской горизонт – туда, откуда обычно появлялся Царь-Краген, загребавший воду четырьмя толчковыми лапами наподобие огромного, невероятно уродливого антропоида, плывущего брассом. На этом, конечно, его сходство с человеком заканчивалось. Тело Царя-Крагена, состоявшее из жесткого черного хряща, формой напоминало продолговатый цилиндр, посаженный на массивную прямоугольную основу, из углов которой выступали ласты. Цилиндр, составлявший основную массу Царя-Крагена, раскрывался впереди пастью, окруженной четырьмя жвалами и восемью щупальцами; с другого конца находилось заднепроходное отверстие. Поверх цилиндра, ближе к переднему концу, возвышалась головка с четырьмя выпуклыми глазами: два глаза смотрели вперед, а два других – назад. Царь-Краген обладал чудовищной разрушительной силой, но, к счастью, его можно было умиротворить. Он обожал пожирать губки в больших количествах и, насыщаясь, ни на кого не нападал и ничего не повреждал. Более того, он охранял свою территорию – а следовательно и плоты – от других разбойничающих крагенов: он их либо убивал, либо разгонял, заставляя панически удирать, бултыхаясь скачками, в открытое море.

Скляр Хаст снова присел на скамью и повернулся так, чтобы видеть сигналы башни Транка. Наперстками управлял Зандер Рохан – Хасту был хорошо знаком его стиль. Стиль этот отличался некой размеренной аккуратностью, с возрастом постепенно становившейся топорной. С точки зрения случайного наблюдателя Зандер Рохан работал четко и проворно, безошибочно считывая и набирая символы, как и подобало мастеру-наперсточнику. Но движения его почти неуловимо замедлялись, его начинало подводить чувство ритма, в появлении его символов замечалась нервная судорожность, отличавшаяся от размеренной плавности, характерной для работы опытного наперсточника в расцвете сил. Зандер Рохан старел. Скляр Хаст знал, что мог переплюнуть Рохана в любой момент, если бы ему пришлось в голову унижить старика. Но при всей его прямоте, при всем свойственном ему отсутствии такта это было последнее, что пришлось бы в голову Хасту. Как долго, однако, собирался настаивать на своих полномочиях старый наперсточник? Рохану давно пора было удалиться на покой – но, как подозревал Хаст, ему не позволяли это сделать зависть и мстительность.

Антипатия мастера-наперсточника была вызвана целым рядом обстоятельств: бескомпромиссными манерами Скляра Хаста, его самоуверенностью и профессиональной компетенцией. Кроме того, она была связана с Мерил Рохан, дочерью Зандера. Пять лет тому назад, когда отношения между двумя наперсточниками были более дружелюбными, Рохан не раз довольно-таки откровенно намекал на то, что Хаст мог рассматривать Мерил в качестве будущей супруги. С любой объективной точки зрения такая перспектива должна была вызывать у Хаста энтузиазм. Мерил принадлежала к его касте и была дочерью главы гильдии. Что могло лучше способствовать карьере Скляра Хаста? Они относились к одному и тому же одиннадцатому поколению – это не имело формального значения, но встречало всеобщее одобрение как нечто желательное и достойное поощрения. Наконец, Мерил была, пожалуй, хороша собой, хотя считалась длинноногой и по-мальчишески порывистой в движении.

Что удерживало Хаста? Непредсказуемость Мерил Рохан, ее капризное поведение. Так же, как большинство островитян, она понимала сигнальные символы, но в то же время научилась писать от руки на манер Первоплавателей. Скляр Хаст, сосредоточенный на точности и элегантности сигнальных символов, считал словесную письменность неразборчивой, запутанной и неудобной. Его раздражало в ней отсутствие единообразия, хотя он признавал и даже ценил как профессионал единственный в своем роде индивидуальный стиль каждого мастера-наперсточника. Время от времени он интересовался: с какой целью Мерил Рохан научилась искусству письма от руки?

«Я научилась потому, что хочу прочитать Мемуары, – отвечала она. – И еще потому, что хочу стать лихоимкой».

Хаст не мог найти изъяна в таких стремлениях – по его мнению, каждый имел право добиваться осуществления своей мечты – но его озадачивали амбиции Мерил. «Зачем прилагать такие усилия? – спросил он. – Аналекты записаны сигнальными символами. В них сообщается сущность Мемуаров – и даже проясняется, так как Аналекты не содержат нелепостей и противоречий».

Мерил Рохан рассмеялась – ее веселье показалось Хасту странным: «Именно поэтому меня интересуют Мемуары! Нелепости, противоречия, непонятные намеки – я хочу знать, что они означают!»

«Они означают, что Первоплаватели, мужчины и женщины, высадившись на плоты, сначала находились в замешательстве и в отчаянии».

«Я хотела бы предпринять новое внимательное изучение Мемуаров, – возразила Мерил. – Хочу отметить каждую из нелепостей и попытаться понять ее, попытаться связать ее с другими нелепостями – потому что не верю, что составители Мемуаров считали эти отрывки нелепыми».

Скляр Хаст безразлично пожал плечами: «Кстати, твой отец предположил, что ты могла бы пройти испытание, если ты не против. В таком случае приходи ко мне в любое время после завтрашнего утра – к тому времени Корали Возель уже уйдет».

Мерил поджала губы, выражая одновременно насмешку и раздражение: «Отец хочет выдать меня замуж раньше, чем этого хотелось бы мне. Благодарю, но я не желаю проходить испытание. Постольку, поскольку это касается меня, Корали может стараться ради тебя еще целую неделю, если ей так приспичило. Или целый месяц. Или круглый год».

«Как тебе угодно, – ответил Хаст. – Так или иначе, мы скорее всего только потеряли бы время, так как никакого родства душ у нас не наблюдается».

Вскоре после этого разговора Мерил Рохан покинула Транк, чтобы поступить в Академию лихоимцев на Четырехлистнике. Скляр Хаст не знал, упомянула ли Мерил отцу о его приглашении к испытанию, но впоследствии отношения между ним и Зандером охладели.

В свое время Мерил вернулась на Транк и привезла собственные копии Мемуаров. За годы, проведенные на Четырехлистнике, она изменилась: стала не такой беззаботной,

не такой экспансивной, меньше стремилась высказывать мнения – и почти превратилась в красавицу, хотя осталась длинноногой и предпочитала некую не поддающуюся определению небрежность в том, что касалось одежды и манер. Скляр Хаст дважды предлагал ей пройти испытание. В первый раз она рассеянно отказала ему; во второй – всего лишь вчера или позавчера – сообщила, что Семм Войдервег собирался на ней жениться, отказавшись от права на испытание.

Хасту эта новость представлялась невероятной, тревожной, неприемлемой. Семм Войдервег, из касты хулиганов, был заступником Транка, то есть уступал престижем только Иксону Мирексу, арбитру плота. Тем не менее Скляр Хаст мог назвать дюжину причин, по которым Мерин Рохан не должна была выходить замуж за Войдервега. Не смущаясь, изложил ей эти причины: «Войдервег – пожилой человек! А ты еще почти девочка! Скорее всего, он – восьмого поколения! Может быть, девятого».

«Не так уж он стар. Лет на десять старше тебя, насколько я понимаю. И он десятого поколения».

«Ну, а ты – одиннадцатого. И я – одиннадцатого».

Мерил Рохан покосилась на него, слегка наклонив голову набок, и Хаст неожиданно осознал несколько вещей, на которые никогда раньше не обращал внимания: чистоту ее словно светящейся кожи, ее роскошные темные локоны, вызывающее выражение лица – когда-то казавшееся мальчишеским нахальством, а теперь превратившееся... в нечто другое.

«Вот еще! – пробормотал Скляр Хаст. – Вы оба спятили, два сапога пара. Он – потому что решил жениться без испытания, а ты – потому что согласна связать себя с семьей кормильца крагенов. Ты же знаешь, какой он касты? Всего лишь хулиганов».

«Ты не проявляешь должного уважения! – воскликнула она. – Семм Войдервег – заступник!»

Хаст хмуро присмотрелся к ней, пытаясь понять, шутит ли она. Тон ее казался легкомысленным, словно сдерживающим какую-то насмешку, ему непонятную.

«Ну и что? – спросил он. – Учитывая все „за“ и „против“, краген – не более чем рыба. Большая рыба, не спорю. Тем не менее, глупо совершать столько церемоний ради рыбы».

«Если бы краген был обычной рыбой, твои слова имели бы смысл, – заявила Мерил Рохан. – Царь-Краген – не просто рыба, он – чрезвычайное существо».

Скляр Хаст горько усмехнулся: «И при этом ты, а не я, отправилась на Четырехлистник в гнездо лихоимцев! Что, по-твоему, подумает Войдервег о твоих необычных идеях?»

«Не знаю, – Мерил Рохан беззаботно встряхнула локонами. – Отец хочет, чтобы я вышла замуж. За заступника. У меня будет время работать над анализом Мемуаров».

«Отвратительно!» – обронил Хаст и ушел. Мерил пожалала плечами и тоже пошла по своим делам.

Все утро Скляр Хаст размышлял об этом разговоре и позже обратился к Зандеру Рохану – старику, ростом не уступавшему ему самому, с огромной копной седых волос, аккуратной белой бородой, пронзительными серыми глазами и раздражительными, нагловатыми манерами. За исключением цвета глаз, Мерил никоим образом не напоминала своего родителя.

Хаст не умел притворяться или вести себя с преувеличенной любезностью. Он сказал: «Я говорил с Мерил. Она сообщила, что ты хочешь выдать ее за Войдервега».

«Да, – кивнул Зандер Рохан. – Что с того?»

«Он ей не подходит. Ты же знаешь Войдервега. Жирный, напыщенный дурак, самодовольный и упрямый...»

«Подожди-ка, подожди! – воскликнул Рохан. – Он – заступник Транка! Согласившись испытать мою дочь, он тем самым делает ей большую честь!»

«Гм! – Скляр Хаст поднял брови. – Мерил говорит, что он отказался от права на испытание».

«По этому поводу ничего не могу сказать. Если так, он окажет нам еще большую честь». Хаст глубоко вздохнул и принял трудное решение. «Я женюсь на ней, – прорычал он. – И откажусь от права на испытание. Она не найдет себе лучшей пары».

Рохан отшатнулся, растянув губы в неприятной усмешке: «Если она может выйти за заступника, почему бы я отдал ее помощнику наперсточника? Причем помощнику наперсточника, воображающему, что он для нее слишком хорош?»

Хаст сдержал гнев: «Я – из касты наперсточников, так же, как она. Почему ты хочешь связать ее с хулиганом?»

«Какая разница? Он – заступник!»

«Я объясню, в чем тут разница, – сказал Хаст. – Все, что умеет Войдервег – кланяться и бормотать, ублажая жрущую рыбину. Тогда как я – не просто помощник наперсточника, а помощник мастера-наперсточника. Тебе известно, что я умею».

Зандер Рохан поджал губы и пару раз резко покачал головой: «Я знаю, что ты умеешь – и этого недостаточно. Если ты хочешь стать мастером своего ремесла, тебе следует точнее попадать по клавишам и меньше перефразировать символы. Когда тебе встретится символ, которым ты не сможешь мигнуть, дай мне знать – я покажу, как это делается».

Скляр Хаст крепко сжал зубы, чтобы с языка не слетело то, что он готов был сказать. При всей своей неотесанности он умел контролировать себя, когда того требовали обстоятельства – а теперь они этого требовали. Глядя прямо в глаза Рохану, он взвешивал ситуацию. По своему усмотрению он мог вызвать Рохана на соревнование и заставить старика защищать звание мастера. Возникало впечатление, что Рохан хотел, чтобы Хаст его вызвал, хотя Хаст никак не мог понять, почему – возможно просто потому, что Рохан невзлюбил Хаста. Такие соревнования когда-то были частыми, но теперь устраивались редко – чтобы сохранить достоинство, проигравший должен был сложить с себя полномочия. На самом деле Скляр Хаст не хотел смещать Рохана с должности и в то же время не хотел, чтобы выгнали его самого... Он повернулся спиной к мастеру-наперсточнику и ушел, игнорируя презрительное фырканье, послышавшееся вдогонку.

У основания башни Хаст остановился, угрюмо уставившись невидящими глазами на листву. Буквально в нескольких шагах был просторный трехкупольный коттедж Зандера Рохана, где под беседкой, увитой лозами с ароматными кисточками, Мерил Рохан сидела и пряла белую ткань – этим занимались в свободное время все женщины, даже девочки и старухи. Хаст подошел к низкому плетню из прутьев, отделявшему участок Рохана от общей тропы. Заметив его присутствие, Мерил слегка усмехнулась и продолжала пряхать.

Скляр Хаст произнес со сдержанным достоинством: «Я поговорил с твоим отцом. Возразил против твоего брака с Войдервегом. Сказал ему, что готов жениться на тебе сам». Повернувшись, чтобы взглянуть на лагуну, он прибавил: «Без испытания».

«В самом деле? И что он ответил?»

«Отказал».

Не высказывая никаких замечаний, Мерил продолжала пряхать.

«Возникла смехотворная ситуация, – говорил Хаст. – Типичная для нашего окраинного, отсталого плота. Над тобой смеялись бы до упаду на Смотрине и даже на Самбере».

«Если тебе здесь так не нравится, почему ты не переедешь на другой плот?» – тихо, насмешливо спросила Мерил.

«Переехал бы, если бы смог. Если бы смог, покинул бы все эти постылые плоты! Улетел бы к далеким планетам! Если бы я знал, что не все они населены сумасшедшими».

«Прочти Мемуары и узнай».

«Гм! Прошло двенадцать поколений, все могло измениться. Мемуары – убежище педанта. Зачем рыться в прахе прошлого? Лихоимцы так же бесполезны, как заступники. Хотя,

если подумать, из тебя и Войдервега выйдет подходящая пара. Пока он призывает Царя-Крагена благословить плот, ты можешь составить новехонький сборник Аналектов».

Мерил остановила прялку и нахмурилась, глядя на руки: «Знаешь что? Я так и сделаю!» Поднявшись на ноги, она подошла к плетню: «Благодарю за совет, Скляр Хаст!»

Хаст с подозрением смерил ее взглядом: «Ты не шутишь?»

«Нет, конечно! Разве я когда-нибудь с тобой шутила?»

«Никогда не знаешь, следует ли воспринимать твои слова всерьез... Какую пользу принесет новый сборник Аналектов? И чем плохи старые?»

«Шестьдесят одну книгу сократили до трех. Разумеется, при этом пропустили огромное количество сведений».

«Расплывчатые, двусмысленные рассуждения, многословный самоанализ – кому это нужно?»

Мерил Рохан поджала губы: «Противоречия любопытны. Несмотря на преследования, которым подвергались Первоплататели, все они выражают сожаление в связи с тем, что им пришлось покинуть Исходные Миры».

«Значит, среди сумасшедших попадались разумные люди, – задумчиво заметил Скляр Хаст. – Ну и что? Прошло двенадцать поколений, с тех пор все могло измениться. Мы сами изменились – и не к лучшему, надо сказать. Теперь нас интересуют только удобства и легкая жизнь. Мы умиротворяем, улаживаем, уступаем. Думаешь, Первоплататели стали бы кланяться и танцевать перед морской тварью – так, как это делает твой суженый?»

Мерил смотрела куда-то за спину Хаста; Хаст оглянулся и увидел заступника Семма Войдервега. Тот стоял, заложив руки за спину и набычившись: зрелый мужчина в теле, вовсе не уродливый, с правильными чертами округлого лица. У него была чистая, свежая кожа, его темно-карие глаза невольно привлекали внимание.

«Ты непочтительно высказываешься о заступнических обязанностях! – укоризненно произнес Семм Войдервег. – Независимо от того, как ты относишься к заступнику лично, его должность заслуживает уважения».

«Должность? Чем ты занимаешься в этой должности?»

«Заступаю за обитателей Гранка. Обеспечиваю благоволение Царя-Крагена».

Скляр Хаст оскорбительно расхохотался: «Мне всегда хотелось знать – веришь ли ты, на самом деле, в свои теории?»

«Теория – неподходящее слово, – заявил Войдервег. – Предпочтительно говорить о научном подходе или доксологии». Он продолжал ледяным тоном: «Факты неопровержимы. Царь-Краген правит океаном и охраняет нас. В обмен мы рады предоставлять ему долю нашего изобилия. Таковы условия Ковенанта».

Дискуссия привлекла внимание других островитян; несколько человек остановились, чтобы послушать. «Очевидно, что мы обленились и всего боимся, – возражал Скляр Хаст. – Первоплататели отвернулись бы от нас с отвращением. Вместо того, чтобы защищаться, подкупаем морскую тварь, умоляя ее делать это за нас»

«Довольно!» – рявкнул Семм Войдервег, внезапно охваченный холодной яростью. Повернувшись к Мерил, он указал пальцем на коттедж: «Ступай внутрь! Нечего тебе слушать безответственную болтовню! Помощник мастера-наперсточника! Удивительно, что ему удалось занять такое высокое положение в гильдии!»

Растерянно улыбувшись, Мерил повернулась и зашла в коттедж. Ее подчинение не только вызвало у Хаста раздражение – оно поразило его.

Бросив напоследок назидательно-возмущенный взгляд, Семм Войдервег последовал за девушкой.

Хаст повернулся к лагуне и собрался плыть к себе на островок. Один из остановившихся слушателей позвал его: «Минутку, Скляр Хаст! Ты действительно считаешь, что мы могли бы защищаться сами, если Царь-Краген нас покинет?»

«Конечно! – отрезал Хаст. – По меньшей мере должны попытаться! Но заступники не хотят перемен – их вполне устраивает положение вещей».

«Ты безобразник, Скляр Хаст! – послышался из-за спин собравшихся пронзительный женский голос. – Помню тебя с тех пор, как у тебя молоко на губах не обсохло! Ты всегда все делал не так, как другие!»

Хаст протиснулся сквозь обступившую его небольшую толпу, прошел к лагуне навстречу сгущающимся сумеркам и переплыл на коракле к своему островку.

Зайдя в хижину, он налил себе пиалу вина и вышел посидеть на скамью. Безоблачное небо и безмятежные воды успокаивали; он смог даже усмехнуться своей злости – пока не пошел взглянуть на шпалеры, обчищенные Царем-Крагеном, после чего раздражение вернулось к нему с новой силой.

Наблюдая за сигналами, он острее, чем когда-либо, ощутил нервный, прерывистый характер работы Зандера Рохана. Отвернувшись, Хаст заметил темный водоворот на краю заградительной сети и в нем – черную массу, окруженную блестящими отблесками озаренной звездами поверхности вод. Не было сомнений: молодой краген пытался проникнуть через сеть, окружавшую лагуну Транка!

II

Скляр Хаст пробежал по островку, вскочил в коракл и, с силой оттолкнувшись, подплыл к центральному плоту. Задержавшись лишь для того, чтобы привязать коракл к столбику, изготовленному из человеческой бедренной кости, он со всех ног поспешил к сигнальной башне. В полутора километрах на западе мигали решетки Тразнека – символы появлялись в безошибочно узнаваемом стиле Дердана Фарра, мастера-наперсточника Тразнека: «...тринадцать ...бушелей ...соли ...потерины ...при ...затоплении ...баржи ...между ...Самбером ...и ...Эдельвайнном».

Хаст взобрался по лестнице и ворвался в кабину. Зандер Рохан удивленно обернулся – и тут же враждебно набылчился, как только узнал Хаста. Бледно-розовый оттенок его лица стал густо-розовым, он выпятил губы, копна седых волос взъерошилась и заблестела, словно гневалась сама по себе. Хасту на мгновение пришло в голову, что Рохан успел побеседовать с Войдервегом – и предметом их разговора несомненно был он, Скляр Хаст. Но теперь Хаст указал на лагуну: «Бродячий краген рвет сети. Только что его заметил. Зовите Царя!»

Зандер Рохан тут же забыл о возмущении и передал сигнал перерыва связи. Его пальцы пробежались по клавишам, нога опустилась на педаль, открывавшую лампы: «...Зовите ...Царя-Крагена! ...Бродяга ...в ...лагуне ...Транка!»

Дердан Фарр на Тразнеке передал это сообщение, его приняли на башне Бикла – и так далее, по цепочке островов вплоть до Сционы, крайнего западного плота, откуда таким же образом передали ответ: «...Царя-Крагена ...поблизости ...нет». Решетки перемигивались, символы передавались от башни к башне, и ответ был получен на Транке уже через двенадцать минут.

Скляр Хаст не ждал ответного сообщения. Спустившись по лестнице, он побежал обратно к лагуне. Краген проделал большую дыру в сети и теперь висел в дыре, обдирая губки с ближайшей шпалеры. Хаст протиснулся через толпу зевак, с ужасом и почтением наблюдавших за происходящим. «Ха! Хо! – закричал Хаст, громко хлопая в ладоши. – Пошла вон, мерзкая черная тварь!»

Краген игнорировал его; с оскорбительной самоуверенностью он продолжал срывать губки и отправлял их в пасть. Хаст подобрал тяжелый сучковатый кол, оставшийся от стебля морской поросли, швырнул его в головку крагена и попал в одну из трубок впередсмотрящих глаз. Краген отпрянул, возмущенно хлопая ластами. Люди, собравшиеся на краю лагуны, тревожно забормотали, но кое-кто радостно рассмеялся.

«Так и надо этим паразитам! – торжествовал Ирвин Бельрод, морщинистый старый вымогатель. – Врежь ему еще раз!»

Хаст подобрал еще один кол, но кто-то схватил его за руку – Семм Войдервег. Заступник резко произнес: «Что ты делаешь? Это предосудительно!»

Скляр Хаст вырвал руку: «Смотри – увидишь!» Он повернулся, чтобы швырнуть кол в крагена, но Войдервег загородил ему дорогу: «Это дерзость! Ты забыл Ковенант? Царя-Крагена известили, пусть он разберется с бродягой. Такова его прерогатива!»

«Ждать, пока эта тварь уничтожает сеть? Взгляни!» – Хаст протянул руку к темневшей над водой сигнальной башне Тразнека, продолжавшей передавать ответ: «»...Царя-Крагена ...поблизости ...нет».

Семм Войдервег сухо кивнул: «Я уведомя других заступников, Царя-Крагена вызовут».

«Вызовут – как? Размахивая фонарями и крича в темноте?»

«Занимайся наперстничеством, – ледяным тоном отозвался Войдервег. – А Царем-Крагеном займутся заступники».

Хаст повернулся и швырнул в крагена второй кол, попавший твари в пасть. Краген – тварь метров пять длиной – раздраженно зашипел, бешено хлопая ластами, разорвал сеть еще шире, проскочил в лагуну и стал снова по ней туда-сюда, бурча и шипя.

«Видишь, что ты наделал? – звенящим голосом возопил Семм Войдервег. – Доволен? Теперь уж точно сеть порвана!»

Все повернулись, наблюдая за крагеном, загребавшим ластами и продвигавшимся толчками по лагуне, как пародия на человека, плывущего брассом. Отблески звезд мелькали и танцевали на поверхности взбаламученной воды, позволяя различать скользкую черную массу. Скляр Хаст вскрикнул от ярости: тварь направлялась к его шпалерам, лишь недавно разоренным аппетитом Царя-Крагена! Хаст вскочил в коракл и поспешно переплыл на свой островок. Краген уже протянул щупальца в поиске губок, оставшихся на шпалере. Хаст искал какое-нибудь оружие, но под рукой не было ничего подходящего – всего лишь несколько предметов, изготовленных из человеческих костей и рыбьего хряща, деревянное ведро, циновка из плетеного волокна.

На стену хижины опирался крюк для подтягивания лодок – тщательно выпрямленный, очищенный скребком и выдержанный трехметровый жесткий стебельный шест с привязанным к нему серповидным наконечником из человеческого ребра. Хаст схватил этот крюк. С центрального острова послышался укоризненный окрик Войдервега: «Скляр Хаст! Что ты делаешь?»

Хаст не обращал внимания на заступника. Он подбежал к краю островка и ткнул крюком в головку крагена. Крюк всего лишь скользнул по упругому хрящу. Краген махнул щупальцем и отбросил шест в сторону. Скляр Хаст изо всех сил ткнул крюком туда, где, по его мнению, находился самый уязвимый орган крагена: мягкая прослойка чувствительных окончаний непосредственно над пастью. Сзади доносились возмущенные протесты Войдервега: «Так нельзя! Перестань! Остановись!»

Краген задрожал от удара, повернулся, сосредоточив взгляд массивной головки на Хасте, и махнул передним ластом, чтобы смести обидчика в воду. Скляр Хаст отскочил – краген промахнулся буквально на пару сантиметров. Семм Войдервег был на главном острове: «Не смей травмировать крагена! Это прерогатива Царя! Следует уважать полномочия Царя!»

Разъяренный Хаст отступил, а краген продолжал кормиться. Как если бы для того, чтобы отомстить Хасту за нападение, тварь подплыла ближе к шпалерам, потянула за лозы – и шпалеры, сплетенные из стеблей морской поросли, перевязанных волокном, обрушились. Скляр Хаст застонал.

«Ты сам этого хотел! – заявил Семм Войдервег отвратительно удовлетворенным тоном. – Ты воспрепятствовал Царю-Крагену в осуществлении его полномочий. Теперь твои шпалеры уничтожены. Такова справедливость».

«Справедливость? Черта с два! – взревел Хаст. – Где твой Царь-Краген? Мы кормим эту прожорливую тварь – почему его нет под рукой, когда он нужен?»

«Негоже возмущаться! – укоризненно увещевал его Семм Войдервег. – О Царе-Крагене не говорят таким тоном!»

Скляр Хаст пошарил руками в темноте и нашел шест – костяной крюк сломался, от него остался только остроконечный черенок. Хаст снова напрягся изо всех сил и воткнул этот обломок в глаз крагена. Острие соскользнуло с полусферической линзы глаза и воткнулось в окружающую ее ткань. Краген сгорбился, перегнувшись почти пополам, выпрыгнул из воды, свалился, расплескивая фонтаны брызг, и с басистым ворчанием скрылся в глубине. По лагуне прокатились волны – отраженные от окружающих плотов, они постепенно успокоились. Наступила тишина.

Хаст спустился в свой коракл, оттолкнулся, переплыл к главному острову и присоединился к толпе, стоявшей на краю и глядевшей в воду.

«Он умер?» – спросил Морган Резли, пользовавшийся высокой репутацией махинатор.

«Нет, не повезло, – прорычал Хаст. – В следующий раз...»

«В следующий раз – что?» – угрожающе поинтересовался Семм Войдервег.

«В следующий раз я его убью».

«Как насчет Царя-Крагена? Только ему подобает такая честь».

«Царю-Крагену плевать, так или иначе, – отозвался Хаст. – Хотя его может беспокоить одно обстоятельство: если мы заведем привычку убивать крагенов, можно будет подумать и о том, как бы нам избавиться и от самой большой из этих тварей».

Войдервег издал какой-то гортанный звук, воздел руки к небу и быстро ушел.

По Бельрод – его считали старшиной клана Бельродов несмотря на то, что Ирвин фактически был старше – спросил Хаста: «Можешь ли ты на самом деле убить крагена?»

«Не знаю, – ответил Скляр Хаст. – Пока что не думал об этом. Пока что».

«Жесткая, сильная тварь, – По Бельрод с сомнением покачал большой умной головой. – Кроме того, следует опасаться гнева Царя-Крагена».

«Об этом еще придется подумать», – повторил Хаст.

Тиммонс Вальби, жулик, сказал: «Как Царь-Краген узнает об этом? Он не может быть всюду одновременно».

«Он знает, он обо всем знает! – заявил нервный старик-поджигатель. – На плотях все идет своим чередом. Зачем обижать или огорчать кого-нибудь из гордости? Не забывайте наставление Килборна из Аналектов: „Гордыня чревата провалом!“»

«Да, конечно, но вспомни и наставление Бакстера: „Зло не постигнет справедливых, а греховодники полны лукавства!“»

Собравшиеся помолчали немного, глядя на лагуну; краген не возвращался.

«Он пробрался под сетью и уплыл», – сказал махинатор Морган Резли.

Толпа постепенно рассеялась – одни вернулись в хижины, другие направились в таверну «Транк» – продолговатое сооружение, снабженное столами, скамьями и стойкой. Там можно было выпить вина или сироба, закусить пряным печеньем и перечной рыбой. Скляр Хаст присоединился к посетителям таверны, но угрюмо сидел в стороне, пока другие обсуждали события вечера. Все возмущались хулиганством бродячего крагена, но кое-кто критиковал метод его изгнания, использованный Хастом. Джонас Сербано, растратчик, считал, что Хаст поторопился: «Решая вопросы, связанные с Царем-Крагеном, следует советоваться со всеми. Мудрость совета предпочтительна скоропалительным действиям одного человека, независимо от серьезности провокации».

Все глаза обратились к Скляру Хасту, но тот ничего не ответил, хотя один из Бельродов помладше счел нужным заметить: «Все это хорошо и замечательно, но пока мы пререкались бы, защищая каждый свою точку зрения, краген сожрал бы все губки и уплыл восвояси».

«Лучше потерять шпалеру губок, чем разгневать Царя-Крагена! – язвительно парировал Джонас Сербано. – Море и все, что в нем происходит – прерогатива Царя-Крагена. Нарушая границы его полномочий, мы можем навлечь беду на свои головы!»

Молодой Гарт Гассельтон – из касты жуликов, хотя по профессии он стал съемщиком оболочки – воскликнул со свойственным юности лихорадочным идеализмом: «Если бы все было так, как должно быть, мы повелевали бы и плотами, и лагуной, и морем! Все губки были бы наши, нам не приходилось бы склонять голову ни перед кем!»

За столом в другом конце таверны сидел Иксон Мирекс, арбитр Транка, растратчик впечатляющей внешности; он пользовался огромным нравственным авторитетом. До сих пор Мирекс не принимал участия в споре, повернув в сторону огромную голову и тем самым показывая, что не желает, чтобы его беспокоили. Теперь он обратился к Гарту Гассельтону, сосредоточив на юноше довольно-таки мрачный взгляд: «Ты говоришь, не подумав. Разве мы настолько всесильны, что можем протянуть к морю руки и заставить его исполнять наши

желания? Ты должен понимать, что изобилие и удобства не достаются даром от природы, что изначально у нас нет на них никакого права – мы приобрели их исключительно благодаря счастливому стечению обстоятельств. Другими словами, мы существуем по соизволению Царя-Крагена, не забывай об этом!»

Молодой Гассельтон моргнул и опустил голову, уставившись в пиалу с сиропом, но старого Ирвина Бельрода не так-то легко было поставить на место: «Позволь напомнить одну вещь, о которой ты забыл, арбитр Мирекс. Царь-Краген стал тем, что он есть, потому что мы его таким сделали. Сначала он был нормальным крагеном – ну, может быть, немного крупнее и смысленнее других. Тем, чем он стал сегодня, он стал потому, что кто-то его ублажал. Ошибка допущена – действительно, теперь Царь-Краген достаточно опытен и проницателен, чтобы иногда оказывать нам услуги и разгонять бродячих крагенов помоложе. Но чем все это кончится?»

Уолл Брюс, старый разбойник, охромевший после падения с реи сигнальной башни Транка, выразительно поднял палец: «Не забывайте наставление Кардинала из Аналектов: „Желающих принять предлагаемый дар всегда более чем достаточно“».

В таверну зашли Семм Войдервег и Зандер Рохан. Они уселись рядом с Иксоном Мирексом: три самых влиятельных человека на плоту. Обменявшись приветствиями с Войдервегом и Роханом, Мирекс вернулся к Уоллу Брюсу: «Не цитируй мне Аналекты. Я могу ответить другим наставлением: „Самый смехотворный глупец – тот, кто не понимает, что живет хорошо!“»

«А это ты помнишь? „Начиная драку с руками в карманах, ты кончишь тем, что руки у тебя останутся теплыми, а из носа пойдет кровь!“» – отозвался Брюс.

Иксон Мирекс выпятил подбородок: «Я не намерен цитировать наставления весь вечер, Уолл Брюс».

«Значит, ты его не переспорил», – заметил Ирвин Бельрод.

«А я ни с кем и не спорил, никоим образом! – весомо заявил Мирекс. – Суть дела слишком очевидна: благополучие Транка и других плотов зависит от благоволения Царя-Крагена. По такому фундаментальному вопросу просто не может быть двух точек зрения!»

«Нет уж, извини! – возразил молодой лихоимец. – Твоя позиция не выдерживает критики! Все мы желаем дальнейшего благополучия и процветания. Но мы по-разному определяем, в чем заключается благополучие».

Иксон Мирекс воззрел на юнца свысока: «Благополучие Транка несложно определить. Все, что нам требуется – достаточное количество пищи и уважение к традициям, учрежденным мудрецами в прошлом».

Глядя в пространство, Семм Войдервег произнес, размеренно и назидательно: «Сегодня вечером совершены чрезвычайно предосудительные поступки – человеком, которому следовало бы это понимать. Для меня просто непостижимо умонастроение, позволившее ему так дерзко взять на себя решение, от которого зависит благополучие всего плота».

Наконец Скляр Хаст был достаточно уязвлен. Он презрительно усмехнулся: «Твое умонастроение более чем постижимо. Если бы не Царь-Краген, тебе пришлось бы работать – так же, как любому другому. Но ты добываешь пропитание болтовней и шарлатанством, а поэтому противишься любым, мельчайшим переменам, даже если существующее положение вещей причиняет разорение обитателям плота и заставляет их унижаться».

«Разорение? У нас всего более чем достаточно! Заставляет унижаться? Ты смеешь так говорить обо мне, об арбитре Мирексе или о мастере-наперсточнике Рохане? Уверю тебя, эти люди никоим образом не унижаются и, насколько мне известно, твои дерзкие намеки возмущают их не меньше меня!»

Хаст ухмыльнулся: «Есть наставление, вполне применимое в данном случае: „Если сапоги тебе подходят, носи их!“»

Зандер Рохан вспыхнул: «Довольно, в конце-то концов! Скляр Хаст, ты позоришь свою касту и свою профессию! Никак не могу изменить обстоятельства твоего рождения, но, к счастью, я – мастер, глава гильдии. Уверю тебя, твоя карьера наперсточника закончена!»

«Еще чего! – фыркнул Хаст. – На каком основании?»

«На основании твоего позорного, развращенного поведения! – взревел Рохан. – Как тебе известно, в уставе есть соответствующий пункт!»

Скляр Хаст смерил Зандера Рохана долгим, задумчивым взглядом. Вздохнув, он решил: «Устав предусматривает также, что человек остается главой гильдии, пока его профессиональные качества не начинают уступать качествам других. Я заявляю, что ты не имеешь права обо мне судить и не заслуживаешь называться главой гильдии!»

В таверне наступила тишина. Зандер Рохан сдавленно произнес: «Ты надеешься превзойти меня в наперстничестве?»

«В любое время, днем и ночью!»

«Почему же ты до сих пор не продемонстрировал столь завидные способности?»

«Если хочешь знать правду – потому, что не хотел подвергать тебя унижению».

Рохан ударил кулаком по столу: «Прекрасно! Посмотрим, кто кого унизит. Пойдем! На башню!»

Хаст удивленно поднял брови: «Ты куда-то торопишься?»

«Ты сам сказал: в любое время, днем и ночью».

«Как тебе угодно. Кто нас рассудит?»

«Арбитр Мирекс, разумеется. Кто еще?»

«Арбитр Мирекс? Он вполне подойдет – если будут присутствовать свидетели, регистрирующие скорость передачи символов и ошибки».

«Я назначаю свидетелем Семма Войдервега – он хорошо умеет читать символы».

Скляр Хаст указал на других присутствующих – людей с острым зрением, понимавших практически любые сигнальные символы: «Рубал Галлагер! Фрихарт Ноу! Эрлингер Шоуальтер! Назначаю вас свидетелями: считывайте символы, отмечайте ошибки».

Зандер Рохан не возражал; посетители таверны поднялись и направились к сигнальной башне.

Пространство под башней было огорожено стеной из прутьев и лакированной оболочки. Первый этаж служил чем-то вроде училища – здесь стояли тренировочные механизмы. На втором этаже башни хранились запасные наперстки, масло для лампад, соединительные жгуты и записи. На третьем и четвертом уровнях ютились ученики, дежурные помощники наперсточников и разбойники, обслуживавшие сигнальные решетки.

Зандер Рохан и Скляр Хаст прошептали под навес первого этажа, сопровождаемые назначенными судьями, свидетелями и еще дюжиной других – всеми, кто мог поместиться. Зажгли лампы, отодвинули скамьи, подняли жалюзи окон, чтобы помещение проветривалось.

Рохан направился к новейшей из двух тренировочных машин, пробежался пальцами по клавишам, пнул пусковую педаль. Нахмурившись, Рохан выпятил губы, подошел к старой машине – ее компоненты двигались свободнее, требуя приложения меньших усилий, но отличались существенным люфтом. Новая, туго собранная машина позволяла быстрее набирать символы. Рохан подал знак ученикам, смотревшим вниз со второго этажа: «Масло! Смажьте соединения. Почему оборудование не обслуживается как следует?»

Ученики поспешили выполнить указание.

Скляр Хаст тоже попробовал клавиши обеих машин и решил использовать новую – если ему предоставят возможность выбора. Зандер Рохан отошел в дальний конец помещения и стал вполголоса совещаться с Мирексом и Войдервегом. Все трое оглянулись на Хаста, невозму-

тимо ожидавшего дальнейших событий. В воздухе чувствовалась тяжелая атмосфера враждебности.

Мирекс и Войдервег приблизились к Хасту: «Желаешь ли ты поставить какие-нибудь условия? Потребуется ли исключения?»

«Объясните, что вы предлагаете, – ответил Хаст. – Тогда я смогу решить, какие условия или исключения мне потребуются».

«Мы не предлагаем ничего особенного – по сути дела, хотели бы провести испытание, сходное с тем, какое устроили на турнире Омержа в год Вальдемарова Привода».

Хаст коротко кивнул: «Четыре выдержки из Аналектов?»

«Совершенно верно».

«Какие именно?»

«Удобнее всего было бы набирать упражнения для учеников – не думаю, что у мастера Рохана есть какие-нибудь предпочтения на этот счет».

«У меня их тоже нет. Ученические упражнения приемлемы».

«Предлагаю применять турнирные множители. Лучшая оценка умножается на пятьдесят, вторая на тридцать, следующая на двадцать и последняя на десять. Таким образом наилучшее достижение получает наибольший вес».

Скляр Хаст задумался. Множители, как правило, были выгодны нервничавшему, чаще совершающему ошибки наперсточнику, но не размеренно, последовательно набирающему символы оператору. Тем не менее, в сложившихся обстоятельствах это не играло существенной роли – ни он сам, ни Зандер Рохан не отличались склонностью к внезапным приступам молниеносного проворства.

«Согласен. Как насчет ошибок?»

«Каждая ошибка, то есть неправильный набор символа, прибавляет три секунды к счету времени».

Хаст снова согласился. Оставалось обсудить еще несколько вопросов технического характера: что именно считалось ошибкой, как должны были регистрироваться ошибки и каким образом штрафные секунды следовало прибавлять к счету времени.

Наконец согласовали все возможные ситуации. Выбрали тексты: упражнения 61, 62, 63 и 64 – отрывки из Аналектов, в свою очередь представлявшие собой записанные сигнальными символами сокращенные цитаты из шестидесяти одного тома Мемуаров.

Перед тем, как согласиться с выбором упражнений, Зандер Рохан надел очки, которые носил с недавних пор – две линзы из прозрачной смолы, расплавленной и формованной, вставленные в оправу из прессованных прутьев – и внимательно прочел заданные тексты. Скляр Хаст сделал то же самое, хотя, будучи наставником учеников наперсточника, знал выдержки наизусть. Каждый участник соревнования мог пользоваться любой из двух тренировочных машин; оба выбрали новую. Они должны были набирать символы каждого упражнения по очереди, причем Рохан дал понять, что предпочел бы, если бы Хаст делал это первый.

Скляр Хаст сел за панель машины, расставил перед собой текст упражнения, размял загорелые пальцы, проверил функционирование клавиш и нажимных стержней. Напротив сидели судьи, а показания часов контролировал арбитр Мирекс. В этот момент отодвинулась дверь первого этажа, и в тренировочное помещение зашла Мерил Рохан.

Зандер Рохан повелительно указал ей на выход, но дочь проигнорировала его. Заступник Войдервег нахмурился и неодобрительно погрозил ей пальцем; его она даже не заметила. Скляр Хаст бросил на нее один-единственный взгляд. Встретившись с ее ясными глазами, он не смог понять, что именно прочел в этих глазах. Презрение? Отвращение? Насмешку? В конце концов, это не имело значения.

«Внимание!» – объявил Иксон Мирекс. Хаст чуть наклонился вперед, его сильные руки и напряженные пальцы нависли над клавишами. «Приготовиться! Начали!»

Пальцы Хаста ударили по клавишам, нога нажимала на пусковую педаль. Первое сочетание символов, второе, третье. Хаст работал аккуратно, мало-помалу расслабляясь, позволяя естественному мышечному ритму набирать скорость.

«...Даже если бы мы могли связаться с Исходными Мирами, не уверена, что теперь захотели бы это сделать. Невзирая на неизбежные преследования, каковые последовали бы за установлением такой связи (учитывая наш особый жизненный опыт) – вообще не рассматривая эту сторону вопроса – мы приобрели здесь нечто, чего никто из нас прежде не знал: ощущение достижения на уровне, превышающем то, что я назвала бы „социальной манипуляцией“. В общем и в целом мы счастливы на плотах. Разумеется, многие ощущают тоску по дому, ностальгию, тщетные сожаления – как этого можно было бы избежать? И разве эти чувства были бы не столь же мучительны на Новом Оссининге? Все мы долго спорили по этому поводу, но окончательного решения так и не приняли. Фактически все мы, судя по всему, готовы смотреть в лицо новой действительности с решимостью и хладнокровием, о существовании которых в нас мы, пожалуй, раньше и не подозревали».

«Конец!» – воскликнул Скляр Хаст. Иксон Мирекс проверил часы: «Сто сорок шесть секунд».

Хаст отошел от машины. Хороший результат, хотя и не потрясающий – ни в коем случае не самая высокая скорость, на которую он был способен.

«Ошибки?» – спросил Хаст.

«Ошибок не было!» – объявил Рубал Галлагер.

Нормой для этого упражнения считались сто пятьдесят две секунды; в процентном соотношении результат Хаста пока что составлял 6/152, то есть на 3,95% превышал норму.

Зандер Рохан уселся перед машиной и по сигналу начал передавать сообщение в своей обычной несколько порывистой, нервной манере. Хаст внимательно наблюдал – возникало впечатление, что мастер-наперсточник работал несколько аккуратнее обычного.

Рохан закончил первое упражнение за сто сорок пять секунд; он не допустил никаких ошибок, и теперь его результат превышал норму на 4,21%. Он отошел в сторону с едва заметной усмешкой. Скляр Хаст покосился на Мерил – исключительно из любопытства. По крайней мере так он себе это объяснял. Ее лицо ничего не выражало.

Хаст поставил перед собой упражнение №62. Иксон Мирекс подал сигнал; руки Хаста набрали первую пару сигналов. Теперь он работал легко, без напряжения, пальцы поднимались и опускались, как поршни.

Упражнение №62, так же, как №61, было выдержкой из мемуара Элеанор Морзе:

«Сотни раз мы обсуждали то, что, на мой взгляд, стало самым поразительным аспектом нашего нового сообщества на плоту: ощущение доверия, зависимости друг от друга, взаимной ответственности. Кто мог представить себе, что группа людей с таким разнообразным жизненным опытом, с такими изначальными недостатками (не возьмусь судить, следует ли считать эти недостатки врожденными или приобретенными) могла создать мирную, упорядоченную и жизнерадостную общину? Выбранный нами лидер – так же как и я, растратчик. Некоторые из наших самых неутомимых, самоотверженных работников – бывшие мародеры, хулиганы, громилы. Взглянув на них, никто не подумал бы о том, какую жизнь они вели в прошлом. Наши мнения, конечно, нельзя назвать единогласными, но прежние привычки и подходы в поразительной степени сменились положительным ощущением участия в чем-то большем, чем мы сами. К большинству из нас словно вернулась потерянная молодость – или, точнее говоря, молодость, которой мы никогда не знали».

«Конец!» – объявил Скляр Хаст.

Иксон Мирекс остановил часы: «Сто восемьдесят две секунды. Норма: двести секунд. Ошибок не было».

Теперь Хаст опережал норму на солидные 9%. Зандер Рохан набрал тот же текст нервным стаккато с молниеносной быстротой, но при этом допустил как минимум две ошибки. Рубал Галлагер и Эрлингер Шоуальтер утверждали, что заметили достаточное колебание одного из угловых наперстков, чтобы его можно было считать третьей ошибкой, но Фрихарт Ноу не заметил этого промаха, а Войдервег и Мирекс оба настаивали на том, что символ был набран достаточно четко. Тем не менее, за вычетом шести штрафных секунд время Рохана составило сто восемьдесят пять секунд, а его оценка – 15/200, то есть 7,50%.

К третьему упражнению Скляр Хаст подошел вдумчиво. Если бы ему удалось получить высокую оценку на третьем этапе, Зандер Рохан, уже достаточно нервничавший, мог не выдержать напряжения и полностью сорвать состязание.

Хаст сосредоточился. «Начали!» – воскликнул Иксон Мирекс. И снова пальцы Хаста ударили по клавишам. Третьим упражнением был текст из мемуара Уилсона Снайдера, Первоплователя неизвестной касты:

«Прошло почти два года, и никак нельзя сказать, что мы – не изобретательная команда. Бдительность, находчивость, навыки, способность импровизировать: таковы наши свойства. Или, как сказали бы насмешливые критики, обезьянья смекалка. Что ж, пусть будет так. Для всех нас, к счастью, более или менее характерна еще одна черта: развитое, укоренившееся чувство покорности судьбе, подчинения не зависящим от нас обстоятельствам – может быть, это следовало бы называть фатализмом. Именно поэтому мы счастливее, чем в таких же условиях была бы группа, скажем, музыкантов, ученых или даже блюстителей порядка. Не то, чтобы эти профессии не представлены в нашей немногочисленной банде: Жора Альван – превосходный флейтист, Джеймс Брюне был профессором физики в Юго-западном Университете, Ховард Галлагер – высокопоставленный офицер полиции. А я сам? Нет, однако! Сдержу обещание, которое дал самому себе, и ничего не скажу о своем прошлом. Скромность? Хотел бы я, чтобы это объяснялось скромностью!»

«Конец!» Скляр Хаст глубоко вздохнул и отошел от машины. Он не смотрел в сторону Зандера Рохана; такой взгляд могли бы счесть проявлением хвастливого злорадства, так как он набрал символы с максимальной скоростью, на какую был способен тренировочный механизм. Ни один наперсточник не смог бы работать быстрее, в таком же мощном, напористом ритме.

Иксон Мирекс рассмотрел часы. «Сто семьдесят две секунды, – неохотно произнес он. – Норма... Здесь какая-то погрешность. Двести восемь секунд?»

«Двести восемь секунд – никакой погрешности, – сухо обронил Рубал Галлагер. – И ошибка тоже не было».

Мирекс и Войдервег угрюмо пожевали губами. Фрихарт Ноу объявил оценку: 32/208, то есть достопримечательные 17,3%!

Зандер Рохан достаточно храбро устроился перед панелью машины. «Начали!» – провозгласил Иксон Мирекс срывающимся от волнения голосом. И некогда уверенные пальцы Рохана утратили гибкость от страха и напряжения, его тщательный ритм сбился. Присутствующие смущенно напряглись.

«Конец!» – объявил Рохан.

Арбитр Мирекс огласил результат: «Двести одна секунда».

«Кроме того, были допущены две ошибки», – сказал Семм Войдервег. Рубал Галлагер начал было возражать, но придержал язык. Галлагер заметил как минимум пять погрешностей, которые придирчивый наблюдатель – такой, как сам Зандер Рохан – охарактеризовал бы как ошибки. Но исход состязания был очевидно решен. Двести одна секунда плюс две ошибки давали Рохану оценку 1/208 или 0,48%.

Четвертое упражнение содержало выдержку из мемуара Хедвиги Суин, которая, так же, как Уилсон Снайдер, предпочитала не сообщать о своей кастовой принадлежности.

Иксон Мирекс неохотно сбросил предыдущее показание часов и подал стартовый сигнал. Скляр Хаст набирал текст проворно, без малейшего усилия – сочетание символов появлялись быстро, уверенно, ритмично:

«Благосклонный, чудесный мир! Мир непревзойденного климата, неопикуемой красоты, мир воды и неба – здесь, насколько мне известно, нет ни клочка суши. Вдоль экватора, где процветает морская поросль, океан, надо полагать, относительно мелководен, хотя никому еще не удалось измерить его глубину. Почти наверняка никто никогда еще не уродовал и не осквернял эту планету промышленной цивилизацией – что, конечно, только к лучшему. Тем не менее, говоря от своего имени, я приветствовала бы пару настоящих мысов, добротную гору со скалами и деревьями, вцепившимися корнями в почву, песчаный пляж, несколько лугов, полей и садов. Нищим, однако, не приходится выбирать – и по сравнению с тем миром, который ожидал нас первоначально, это райская планета».

«Конец!»

Иксон Мирекс сухо произнес: «Сто сорок одна секунда. Норма: сто шестьдесят».

Для Зандера Рохана все было потеряно. Чтобы победить, ему нужно было бы получить оценку 25%, 30% или даже выше. Он знал, что у него это не получится, и набирал символы безнадежно, без напряжения, в связи с чем получил самую высокую оценку на всем протяжении состязания, достойные уважения 12,05%. Тем не менее, Рохан проиграл – и теперь, согласно традициям гильдии, должен был уступить должность Скляру Хасту.

Он не мог заставить себя произнести надлежащие слова. Мерил развернулась на каблуках и покинула башню.

Наконец Рохан повернулся к Хасту. Он начал было хрипло провозглашать церемониальную формулировку передачи полномочий, но Семм Войдервег быстро подскочил к нему и, взяв под локоть, отвел в сторону.

Они о чем-то возбужденно спорили вполголоса; Хаст наблюдал за происходящим с язвительной усмешкой. Иксон Мирекс присоединился к разговору, с сомнением поглаживая подбородок. Зандер Рохан сутулился, что было для него необычно, копна его белых волос уныло поникла, даже борода слегка покривилась. Время от времени он тряс головой, безнадежно, но не слишком энергично возражая на настойчивые понукания Войдервега.

Но Войдервег возобладал и повернулся к Хасту: «В порядке проведения состязания допущено серьезное упущение. Боюсь, признать его результаты действительными невозможно».

«В самом деле? – спросил Скляр Хаст. – Почему же?»

«Известно, что ты работаешь с этими упражнениями ежедневно, наставляя учеников. Короче говоря, ты долго и упорно практиковался в наборе этих текстов, в связи с чем соревнование никак нельзя считать справедливым».

«Ты сам выбирал упражнения».

«Возможно. Тем не менее, ты обязан был предупредить нас о своем близком знакомстве с этими текстами».

«Правда состоит в том, – возразил Хаст, – что я не передавал эти тексты с тех пор, как сам был учеником».

Семм Войдервег покачал головой: «Не могу в это поверить. По меньшей мере лично я отказываюсь признать действительность результатов этого так называемого состязания и, насколько я понимаю, Иксон Мирекс испытывает такое же отвращение и возмущение».

В Рохане осталось достаточно добропорядочности, чтобы выдавить: «Пусть результаты останутся такими, какие есть. Я не могу оправдать свой проигрыш».

«Ни в коем случае! – воскликнул Войдервег. – Мастером-наперсточником должен быть человек безукоризненной честности. Неужели мы хотим, чтобы этот возвышенный пост занимал...»

Скляр Хаст ласково прервал его: «Будь осторожен со словами, заступник! За клевету, как может подтвердить арбитр Мирекс, предусмотрено суровое наказание».

«Клевета возможна только в отсутствие истины или при наличии злоумышленного побуждения. А меня беспокоит только благополучие Транка и сохранение традиционной системы нравственности. Разве можно назвать клеветой то, что я отвергаю тебя, как практически очевидного презренного обманщика?»

Скляр Хаст медленно шагнул вперед, но Рубал Галлагер удержал его за локоть. Хаст повернулся к арбитру Мирексу: «Что ты на это скажешь, арбитр?»

Лоб Иксона Мирекса вспотел: «Возможно, нам следовало использовать другие тексты. Даже несмотря на то, что ты не участвовал в их выборе».

Неподалеку стояли два или три представителя клана Бельродов, водолазы из касты вымогателей, добывавшие стебли и прутья; они отличались угрюмым нравом, грубостью и склонностью к вульгарным выражениям.

Один из них сказал: «Неужели, арбитр Мирекс, ты поддержишь очевидно лживую и безосновательную позицию? Вспомни: мы тебя выбрали, чтобы ты принимал решения по справедливости, а не на основе вымысла и нравочений!»

Мирекс разъярился: «Ты сомневаешься в моей добросовестности? Заступник привлек мое внимание к злоупотреблению – его возражение, к сожалению, выглядит обоснованным. Посему я объявляю результаты состязания недействительными. Зандер Рохан остается мастером-наперсточником!»

Скляр Хаст начал было говорить, но снаружи донесся крик: «Краген вернулся! Краген в лагуне!»

III

Хаст протиснулся наружу и побежал к лагуне; за ним спешили все наблюдавшие за соревнованием.

В центре лагуны плавала, беспокойно взбаламучивая воду ластами, черная громадина. Впередсмотрящие глаза крагена скользнули по толпе, собравшейся на главном острове; затем тварь медленно двинулась вперед, многозначительно пощелкивая жвалами. Распознал ли краген Скляра Хаста, трудно было понять; тем не менее он поплыл туда, где стоял Хаст, после чего внезапно оттолкнулся мощным движением ластов и бросился вперед, окатив волной край острова. Уткнувшись в край, он взмахнул ластом – плоский конец его едва не скользнул по груди Хаста. Удивленный и шокированный, тот отшатнулся, наткнулся на куст и упал.

Стоявший поблизости Войдервег усмехнулся: «Не тот ли это краген, убить которого ты недавно грозился?»

Хаст поднялся на ноги и стоял, мрачно поглядывая на крагена. Отражения звезд поблескивали на маслянистой черной спине твари, как если бы она была обтянута атласной тканью. Краген повернулся и принялся энергично срывать губки с удобно расположенных шпалер, каковые, по случайности, принадлежали клану Бельродов. По Бельрод разразился горестными проклятиями.

Хаст посмотрел вокруг. Рядом толпилось не меньше сотни обитателей Транка. Хаст указал на крагена: «Мерзкая тварь грабит нас! Надо убить этого крагена – и любого другого, объедающего наши шпалеры!»

Семм Войдервег испустил высокий хриплый вопль: «Ты с ума сошел? Кто-нибудь, облейте водой этого маньяка-наперсточника! Он слишком долго следил за мигающими лампадами!»

В лагуне краген жадно пожирал отборные губки Бельродов; Бельроды отзывались громкими отчаянными стонами.

«Убейте эту тварь, говорю! – закричал Скляр Хаст. – Царь-Краген и так уже взымает с нас опустошительную дань. Неужели мы должны теперь кормить всех крагенов моря?»

Войдервег принялся возбужденно жестикулировать, но Пол Бельрод грубо оттолкнул его: «Заткнись и дай послушать, о чем говорит наперсточник. Как убить крагена? Это возможно?»

«Нет! – кричал Войдервег. – Конечно, невозможно! Кроме того, это безрассудно и непристойно! Вы что, забыли о Ковенанте с Царем-Крагеном?»

«Пропади он пропадом, твой Царь-Краген! – огрызнулся По Бельрод. – Дай послушать наперсточника. Так что же? Ты придумал способ расправиться с крагеном?»

Скляр Хаст с сомнением посматривал на черневшую в полутьме огромную массу: «Кажется, придумал. Но потребуются усилия многих мужчин».

По Бельрод указал кивком на собравшихся поглазеть на крагена: «Вот они стоят».

«Пойдем!» – позвал Хаст. Он направился обратно к центру плота. За ним последовали человек тридцать или сорок – главным образом махинаторы, вымогатели, громилы, жулики и разбойники. Остальные с сомнением держались поодаль.

Хаст привел сообщников к штабелю брусьев, приготовленных для строительства нового склада. Каждый брус, легкий и крепкий, семь с половиной метров в длину и пятнадцать сантиметров в диаметре, был изготовлен из склеенных продольно прутьев. Хаст выбрал брус еще толще – коньковую балку: «Положите это на козлы!»

Когда его требование выполнили, Хаст посмотрел по сторонам и подозвал Рудольфа Снайдера, пожилого человека девятого поколения, представителя отличавшейся долголетием касты поджигателей, монополизировавших индустрию приготовления волокна, витья веревок и плетения циновок: «Мне нужны метров шестьдесят каната, достаточно крепкого, чтобы под-

нять крагена. Если такого каната нет, нужно сложить веревку вдвое или вчетверо, чтобы она выдержала такой же вес».

Рудольф Снайдер взял с собой четверых помощников; они принесли веревку из склада.

Скляр Хаст работал с лихорадочной энергией, оснащая брус согласно своему замыслу. «Теперь поднимайте! Отнесите все это к краю лагуны!»

Возбужденные его настойчивостью, помощники взвалили брус на плечи, отнесли поближе к лагуне и, следуя указаниям Хаста, опустили так, чтобы одним концом брус упирался в твердое ребро плавучего острова. Другой конец, к которому привязали два каната, положили на козлы – он почти навис над водой.

«А теперь, – сказал Хаст, – мы уьем крагена». Он сделал петлю из каната и стал приближаться к крагену, следившему за ним смотрящими назад глазами головки. Хаст двигался медленно, чтобы не спугнуть морскую тварь – та продолжала срывать губки, презрительно игнорируя его.

Скляр Хаст подошел к краю лагуны. «Сюда, мерзавец! – подзывал он крагена. – Океанский разбойник! Подплывай сюда!» Хаст нагнулся и плеснул в крагена водой. Спровоцированный, тот ринулся к Хасту. Хаст дождался – и как раз перед тем, как краген махнул ластом, накинул петлю ему на головку: «Тащите!» Помощники натянули канат и потащили бьющегося крагена по воде. Скляр Хаст направлял канат так, чтобы тварь перемещалась к нависшему над водой концу бруса. Краген внезапно рванулся вперед; в темноте, в замешательстве люди, тянувшие канат, упали на спину. Хаст подхватил слабинку и, увертываясь от убийственно хлеставшего переднего лапта, накинул на брус несколько витков каната. Оглянувшись, он позвал: «Давайте! Тащите, тащите! Оба каната! Тварь умрет!»

Двадцать человек взялись за пару канатов, привязанных к концу бруса. Брус приподнялся над козлами, петля туго затянулась на головке крагена. Люди перебирали канаты, упираясь пятками; основание бруса впилось в твердое ребро плота. Брус поднимался все круче. Мало-помалу громоздкую тушу бьющегося крагена подвесили в воздухе. Со стороны наблюдателей послышались восхищенные вздохи. Стоявший поодаль Семм Войдервег испуганно махнул рукой и поспешно удалился.

Арбитра Иксона Мирекса – по причинам, известным только ему самому, поблизости не было. Не видно было и Зандера Рохана.

Краген издавал булькающие глотающие звуки и протягивал лапы во все стороны, но тщетно. Скляр Хаст разглядывал эту тварь, не совсем понимая, что с ней делать дальше. Его помощники взирали на крагена с почтительным ужасом, смущенные своей дерзостью. Они уже тайком поглядывали на океан, идеально спокойные воды которого блистали отражениями пылающих созвездий. Скляр Хаст решил отвлечь их внимание. «Почините сети! – обратился он к зевакам. – Где хулиганы? Пусть починят сети, пока мы не потеряли всю рыбу! Что вы беспомощно стоите, как неживые?»

Несколько вязальщиков сетей, главным образом из касты хулиганов, вышли из толпы и отправились починять разорванную сеть.

Хаст вернулся к рассмотрению повисшего над плотом крагена. По его приказу канаты, державшие брус в наклонном положении, привязали к ребрам плавучего острова. Теперь наблюдатели осторожно окружили висящую тварь и обсуждали наилучший способ окончательно расправиться с ней. Может быть, она уже сдохла? Для того, чтобы проверить эту теорию, один из молодых Бельродов ткнул крагена отрезком стебля – и поплатился переломом ключицы: краген нанес ему молниеносный удар передним ластом.

Скляр Хаст стоял поодаль, изучая животное. У крагена была жесткая шкура; его хрящ был еще тверже. Хаст послал одного человека принести крюк для подтягивания лодок, а другого – за острым колышком, сделанным из бедренной кости. Из этих двух компонентов они соорудили копьё.

Краген вяло висел на канатах, пошевеливая лапами и время от времени судорожно подергиваясь. Скляр Хаст осторожно приблизился, приложил острие копыя к головке животного и навалился на копые всем весом. Острие проникло сквозь жесткую шкуру примерно на два сантиметра, после чего сломалось. Краген содрогнулся, хрюкнул, махнул ластом. Вовремя заметив внезапное движение, Хаст уклонился и почувствовал на лице ветерок – ласт едва его не достал. Краген отшвырнул древко копыя в лагуну; ласт ударился по брусу, на котором висело животное, и расщепил несколько волокон.

«До чего упорная тварь! – пробормотал Хаст. – Принесите веревку – нужно удержать его от дальнейших выходов».

Со стороны послышался резкий окрик: «Сумасшедшие! Вы рискуете навлечь на нас гнев Царя-Крагена! Приказываю сейчас же прекратить это безобразие!»

Говорил появившийся наконец Иксон Мирекс. Скляр Хаст не мог игнорировать арбитра так, как игнорировал Войдервега. Еще раз взглянув на висящего крагена, он посмотрел вокруг, на лица помощников. Кое-кто колебался – с Мирексом шутки были плохи.

Хаст произнес – настолько спокойно, насколько мог, взывая к разуму арбитра: «Краген уничтожает наши шпалеры. Если Царь не выполняет свои обязанности, почему мы должны позволять...»

Голос Мирекса срывался от гнева: «Так нельзя говорить! Ты нарушаешь Ковенант!»

Хаст ответил еще вежливее: «Царя-Крагена нигде не видно. Заступник, претендующий на власть в таких обстоятельствах, бегает кругами и не знает, что делать. Нам приходится защищаться самим. Разве свобода воли и независимость – не основные права человека? Присоединись к нам, помоги убить прожорливую тварь».

Мирекс возвел к небу руки, дрожащие от возмущения: «Верните крагена в лагуну, чтобы затем...»

«Чтобы затем он уничтожил еще больше шпалер? – настаивал Скляр Хаст. – Я надеюсь на другой результат. И ты ничем не обосновал свой приказ. Кто для тебя важнее – люди, живущие на плоте, или краген?»

Этот аргумент вызвал сочувствие помощников Хаста, они закричали: «Да! Кто для тебя важнее? Мы или краген?»

«Люди правят на плотах. Царь-Краген правит океаном! – заявил Мирекс. – Тут нечего сравнивать, не о чем спорить».

«Лагуна находится во владениях людей, – возразил Скляр Хаст. – А краген сейчас находится на плоту. Где веревки?»

Арбитр Иксон Мирекс произнес строжайшим тоном: «Я истолковываю традиции плота Транк следующим образом: крагена надлежит вернуть в воду, и как можно скорее. Никакие другие действия не согласуются с нашими обычаями».

Люди, помогавшие вытащить крагена на плот, нервно переминались с ноги на ногу. Скляр Хаст ничего не сказал, но сделал петлю из принесенной веревки. Подобравшись на четвереньках поближе к крагену, он поймал петлей болтающийся ласт, отполз, поднялся на ноги и стал обходить массивную тварь, обвязывая другие висящие лапы. Таким образом краген постепенно потерял способность двигаться и мог только судорожно вздрагивать. Хаст подошел к животному сзади – так, чтобы оно не могло дотянуться до него щупальцами или жвалами – и крепко затянул веревочные петли.

«Теперь мерзкая тварь может только извиваться. Опустите ее на плот. Мы придумаем, как покончить с этим разбойником».

Растяжки переместили; наклонный брус повернулся – краген плюхнулся на плот и беспомощно лежал, слегка выпячивая и втягивая щупальца и жвала. Краген не проявлял особого волнения – судя по всему, он даже чувствовал себя вполне комфортабельно. Никто никогда

еще не пытался определить чувствительность крагенов или то, в какой степени они способны были осознавать происходящее.

Восточный небосклон светлел – всходило сияющее скопление голубых и белых светил, известное под наименованием Котла Фокана. Океан мерцал свинцовым блеском. Люди, стоявшие на центральном плавучем острове, начали с опаской поглядывать на темный горизонт, бормоча и жалуясь. Некоторые подбадривали Хаста, рекомендуя применить к крагену самые суровые меры. Между ними и другими разгорелись яростные споры. Зандер Рохан теперь стоял бок о бок с Иксоном Мирексом и очевидно не одобрял поступки Хаста. Из всех кастовых старейшин Склера Хаста и его нетрадиционные методы поддерживали только По Бельрод и Эльмар Пронейв, мастер-прутьеплет из касты самогонщиков.

Хаст не обращал внимания на споры. Он сидел и с отвращением смотрел на черную массу крагена, раздраженный своей нерешительностью – а также тем, что ввязался в столь рискованный проект. Чего, в конце концов, он добился? Краген разрушил его шпалеры. Он отомстил за себя и предотвратил дальнейшие разрушения. Все это замечательно, но тем самым он восстановил против себя самых влиятельных людей на плоту. Хуже того, он втянул в эту историю других доверявших ему людей, рассматривавших его как руководителя – людей, за которых он чувствовал себя ответственным.

Хаст поднялся на ноги. Ничего не поделаешь. Чем быстрее он покончит с тварью, тем скорее жизнь вернется на круги своя. Хаст подошел к крагену, осторожно осмотрел его. Жвала подернулись – крагену явно не терпелось разорвать обидчика пополам – Хаст опасливо отскочил в сторону. Как убить крагена?

Эльмар Пронейв тоже подошел, чтобы получше рассмотреть животное. Высокий человек со сломанным горбатым носом, черноволосый, он носил ушные плюмажи старой касты сводников, уже практически не существовавшей – за исключением нескольких агрессивных, державшихся обособленно индивидуумов, рассеянных по плотам и применявших такие символы, чтобы подчеркнуть свое эмоциональное отчуждение.

Пронейв обошел тушу, пнул задний ласт, нагнулся, чтобы посмотреть в один из выпученных глаз: «Если его разрезать, части могут пригодиться».

«Шкура слишком жесткая для наших ножей, – проворчал Склера Хастан. – И у него нет шеи, его не задушишь».

«Есть другие способы его убить».

Хаст кивнул: «Можно было бы затопить его в океане – но что употребить в качестве груза? Кости? Слишком ценный материал. Мы могли бы наполнить мешки золой, но золы не так уж много под рукой. Даже если мы сожжем каждую хижину на плоту, вместе с сигнальной башней, вес может оказаться недостаточным. А чтобы сжечь крагена, потребуется целая гора прутьев, политых маслом».

Молодой разбойник, с энтузиазмом помогавший поймать крагена, сказал: «Яд! Дайте мне яд, я закреплю капсулу на палке и засуну ее этой твари в пасть!»

Эльмар Пронейв язвительно рассмеялся: «Верно, существуют яды, сотни ядов, полученных из морских растений и животных – но какие из них достаточно ядовиты, чтобы убить крагена? И где их возьмешь? Сомневаюсь, чтобы столько ядов нашлось ближе, чем на плоту Лампад».

Взошедшее созвездие Котла Фокана уже позволяло рассмотреть крагена во всех деталях. Склера Хастан изучил четыре глаза головки, теперь казавшихся слепыми, а также сложное устройство жвал и щупалец вокруг пасти. Прикоснувшись к головке, он внимательно рассмотрел покрывавшую ее куполообразную шапочку из хитина. Сама по себе головка казалась слоистой, состоявшей из сросшихся хрящевых колец, а глаза выступали спереди и сзади, заключенные в неподвижные трубки складчатой жесткой ткани.

Другие начинали тесниться и толпиться вокруг крагена. Скляр Хаст бросился вперед, чтобы оттолкнуть молодого головореза-кораклостроителя, но опоздал. Краген вытянул щупальце и обхватил шею юноши. Хаст выругался, взялся за щупальце и попробовал его оторвать, но хватка крагена не ослабевала. Еще одно щупальце обвилось вокруг ноги Хаста. Хаст отбросил его пинком и отскочил назад, все еще пытаясь оттащить от морской твари корчащегося головореза.

Краген постепенно подтягивал к пасти головореза – как внезапно понял Хаст, животное надеялось приманить таким образом и его, Хаста. Хаст перестал держаться за юношу, но краген тут же выдвинул щупальце, схватившее жертву, как бы приглашая Хаста снова попытаться освободить молодого человека – Хаст опять попробовал оторвать щупальце.

Краген стал подтаскивать жертву к пасти вместе с державшимся за щупальце Хастом. Второе щупальце обвилось хлестким движением вокруг ноги Хаста. Скляр Хаст упал, перекатился с боку на бок и вырвался, хотя щупальце успело ободрать ему кожу. Краген раздраженным рывком подбросил юношу к жвалам, откусил ему голову и отшвырнул голову и тело жертвы.

Толпа зевак в ужасе ахнула. Иксон Мирекс взревел: «Скляр Хаст, человек расстался с жизнью из-за твоего дикого упрямства! Тебе придется за это ответить! Горе тебе!»

Хаст игнорировал угрозы. Он побежал на склад, нашел долота и молоток из твердого стебля морской поросли, добытого на глубине шестидесяти метров.¹ Лезвия долот были изготовлены из тазовой кости и заострены на шлифовальной доске с наклеенными на нее кремниевыми скорлупками фораминифер. Вернувшись к крагену, Хаст приложил долото к бледной прослойке между хитиновым навершием и кольцевыми складками головки. Он стал бить по долоту молотком – долото погружалось; ткань новой, растущей прослойки головки крагена была относительно мягкой, по консистенции сравнимой с вареным хрящом. Скляр Хаст продолжал стучать – долото глубоко разрубило прослойку. Краген вздрогнул.

Хаст вытащил долото и сделал новый разрез рядом с первым, потом еще и еще один, обрабатывая по окружности хитиновый купол примерно полуметрового диаметра. Краген извивался и содрогался – от боли или только от страха? Кто знает? Когда Хаст принялся обрабатывать передний край навершия, щупальца крагена пытались достать его, но Хаст прятался за головкой. Наконец ему удалось выдолбить прослойку купола по всей окружности головки.

Помощники Хаста молча, с почтением наблюдали за происходящим; другие мрачно ворчали, а подверженные суевериям дети время от времени всхлипывали от страха.

Канавка была выдолблена; Скляр Хаст передал долото и молоток Эльмару Пронейву, взобрался на спину крагену, опустился на колени, зацепился пальцами за край хитинового купола и потянул на себя. Купол оторвался – Хаст едва удержался на ногах. Хитиновое навершие откатилось в сторону. Теперь головка животного торчала как открытый сверху цилиндр; в цилиндре содержались петли и спирали чего-то напминавшего грязно-серую веревочную бухту. Петли и спирали местами переплетались, соединялись в узлы, образовывали с двух сторон пару крутых выпуклых изгибов, а спереди – большой клубок таких же выпячивающихся петлеобразных изгибов.

Скляр Хаст с любопытством изучал внутреннее строение головки. К нему присоединился Эльмар Пронейв. «Очевидно, это мозг крагена, – заметил Хаст. – Здесь сходятся нервные узлы. Или, может быть, это всего лишь окончания мышц».

Пронейв взял молоток и ткнул рукояткой в один из узлов. Краген яростно содрогнулся.

---

¹ Вымогатель-водолаз берет с собой шкив и прикрепляет его к стеблю морской поросли. С помощью веревок к нему спускают перевернутые ведра с воздухом, позволяющие ныряльщику оставаться под водой сколько потребуется. Пользуясь двумя такими системами, водолаз может нырять на глубину до шестидесяти-семидесяти метров – туда, где стебли морской поросли становятся плотными и жесткими.

«Ну-ну! – сказал Пронейв. – Действительно, любопытно». Он ткнул в еще одном месте, в третьем, четвертом. Каждый раз, когда он прикасался к обнаженному нервному узлу, краген содрогался. Скляр Хаст протянул руку и остановил помощника: «Обрати внимание! Справа – две длинные петли, такие же петли – слева. Когда ты прикоснулся к одной, вот здесь, дернулся передний ласт». Хаст взял молоток и принялся подталкивать рукояткой то одну, то другую петлю мозга крагена; при этом по очереди дергался каждый из ластов.

«Ага! – воскликнул Эльмар Пронейв. – Если заняться этим терпеливо, можно научить крагена танцевать джигу!»

«Лучше убить его, – ответил Хаст. – Скоро рассветет. Кто знает, что...» На плоту послышался неожиданный низкий стон, превратившийся так, словно кого-то схватили за горло. Все столпившиеся вокруг туши крагена тревожно зашевелились; кто-то снова простонал глубоким, обреченным басом. Хаст, стоявший на спине крагена, оглянулся. Обитатели плота смотрели в открытое море; он посмотрел туда же – и увидел Царя-Крагена.

Царь-Краген плыл под поверхностью, над водой возвышалась только его головка. Глаза чудовища смотрели вперед, каждый сантиметров тридцать в поперечнике – линзы из жесткого кристалла, за которыми мигали молочно-белые пленки на фоне бледно-голубого блеска. Царь-Краген плыл вдоль дорожки отражений Котла Фокана – или, может быть, только что поднялся из глубин.

Метрах в двадцати от сетей лагуны над водой появилась его туша: сначала вся головка, потом черный цилиндр, окружавший пасть и пищеварительные органы, а затем уже и огромная плоская подошва, толщиной полтора метра, шириной десять метров, двадцать метров в длину. С обеих сторон выступали ласты, каждый толщиной в три человеческих туловища. Спереди Царь-Краген выглядел как гигантский урод, плывущий брассом. Впередсмотрящие глаза в роговых трубках сначала сосредоточились на плавучем островке Хаста, затем повернулись к изувеченной туше бродячего крагена на главном острове. Островитяне напряглись, как стебли морской поросли. Пойманный краген, поначалу казавшийся им огромным и опасным, теперь выглядел миниатюрной куклой, игрушкой. Заметив Царя смотрящими назад глазами, изувеченный краген испустил мелодичный свист – звук, полный растерянного отчаяния.

Скляр Хаст наконец обрел дар речи и произнес – гортанно, настойчиво: «Назад! Отступите к середине плота!»

Теперь возвысил голос заступник Семм Войдервег. Он обратился к чудищу дрожащим, умоляющим тоном: «Воззри, Царь-Краген, на людей плота Транк! Отныне мы отвергаем самонадеянную дерзость немногих еретиков! Воззри на нашу благополучную лагуну, на сочные, питательные губки, посвященные благополучию снисходительного Царя-Крагена...» Тонкий, срывающийся голос заступника замолчал – пошевелив ластами, Царь-Краген двинулся вперед. Выражение огромных глаз монстра невозможно было истолковать, но в глубине их линз, казалось, переливались и мелькали бледно-розовые и голубые блески. Люди, стоявшие на плоту, отступали по мере того, как Царь-Краген приближался к защитной сети. Небрежным движением ластов он разорвал сеть; пошевелив ластами еще пару раз, превратил ее в клочья. Толпа на плоту отозвалась стонами страха: Царь-Краген не умиротворился.

Царь-Краген протиснулся в лагуну и подплыл к беспомощному меньшему собрату. Связанная тварь бешено трепыхалась, продолжая мелодично свистеть. Царь-Краген вытянул щупальце, схватил бродягу и поднял его в воздух – там он безвольно повис. Царь-Краген презрительно приблизил его к жвалам и быстро раскусил на несколько кусков серого хряща, покрытого черной шкурой. Куски он выбросил – они отлетели далеко в океан. Несколько секунд чудовище задумчиво дрейфовало по лагуне. Затем Царь-Краген набросился на плавучий островок Скляра Хаста. Одним ударом переднего ласта он снес хижину, другим глубоко расколол основу островка. Задние ласты разметали остатки шпалер. Обломки прутьев, куски

губок всплывали в бурлящей воде. Царь-Краген нанес еще несколько ударов и взобрался всей тушей на островок, медленно прогнувшийся и утонувший под его весом.

Царь-Краген выбрался обратно в лагуну и принялся плавать взад и вперед, уничтожая шпалеры, разрывая сети, снося хижинки на островках лагуны. Затем он обратил внимание на главный плот и подплыл к самому его краю. Некоторое время он разглядывал толпу, жалобно скулившую от ужаса. Царь-Краген взгромоздился на плот – скуление превратилось в хриплые крики и вопли. Люди бросались из стороны в сторону, бессмысленно бегали по всему острову.

Царь-Краген распластался на плоту, как жаба на листе кувшинки. Он ударил ластами; поверхность плота раскололась. Сигнальная башня – замечательное, тщательно спланированное, искусно сплетенное сооружение – накренилась. Царь-Краген снова подпрыгнул на ластах – башня рухнула на хижинки, построенные вдоль северного края плота.

Царь-Краген барахтался, перемещаясь рывками поперек плота. Он разрушил житницу – бушели желтой пыльцовой муки, усердно соскобленной с пестиков морской поросли, потоками сыпались в воду. Он сокрушил и разметал стойки, на которых растянули сушившиеся стебли, прутья и волокна. Затем, словно в спешке, монстр развернулся и судорожно протолкнулся к южному краю плота. Несколько хижин, и вместе с ними тридцати два человека, главным образом старики и дети, были раздавлены или сброшены в воду и утонули.

Царь-Краген вернулся в открытое море. Он спокойно поплавал пору минут, подергивая щупальцами – выражал ли он таким образом какие-то неведомые эмоции? Затем его ласты зашевелились, и он исчез в мирных просторах океана.

Транк превратился в сцену опустошения, разрухи и скорби. Лагуна снова стала частью океана, вместо шпалер валялись разбросанные щепки, стаи съедобной рыбы рассеялись. Многие хижинки были сплюснены, сигнальная башня лежала на боку. Из четырехсот восьмидесяти обитателей плота сорок два человека погибли, примерно стольким же были нанесены увечья. Выжившие, опустив плечи, смотрели вокруг пустыми глазами, будучи неспособны сразу воспринять масштаб постигшей их катастрофы.

Через некоторое время люди воспрянули и собрались на дальней западной, наименее пострадавшей окраине плота. Иксон Мирекс искал глазами в толпе. Наконец он заметил Хаста, сидевшего на обломке упавшей сигнальной башни. Арбитр медленно поднял руку и указал на Хаста: «Скляр Хаст! Я осуждаю тебя! Зло, которое ты причинил Транку, невозможно выразить словами. Твоя самоуверенная наглость, твое бесчувственное безразличие к нашим мольбам, твое жестокое и дерзкое надругательство – как ты надеешься все это искупить?»

Хаст не обращал внимания на арбитра. Его взгляд сосредоточился на Мерил Рохан, стоявшей на коленях у тела Зандера Рохана – роскошная взъерошенная копна седых волос старика потемнела от крови.

Иксон Мирекс пронзительно провозгласил: «Будучи уполномоченным арбитром плота Транк, я объявляю тебя и всех твоих сообщников отвратительными преступниками! В том числе нельзя не упомянуть Эльмара Пронейва! Эльмар Пронейв! Покажи бесстыдное лицо! Где ты прячешься?»

Но Эльмар Пронейв утонул – он не ответил.

Мирекс вернулся к Хасту: «Мастер-наперсточник погиб и не может осудить тебя сам. Я выступлю от его имени: ты больше не помощник мастера-наперсточника. Отныне ты изгнан из касты и лишен профессии!»

Заступник Семм Войдервег тоже возвысил голос: «Одних обвинений недостаточно! Изгнания из касты недостаточно! Лишение профессионального ранга – несущественная мелочь! Царь-Краген, обрушивший на нас ужасный, но справедливый гнев, хотел, чтобы умерли основные виновники трагедии. Объявляю, что по воле Царя-Крагена Скляр Хаст и все

его сообщники должны быть преданы смерти посредством удушения или ударами дубины по голове!»

«Не спеши! – сказа Хаст. – На мой взгляд, все мы находимся в замешательстве. Два крагена, один очень большой, другой поменьше, нанесли нам ущерб. Я, Скляр Хаст, и мои друзья надеялись защитить плот от хищнического ограбления. Мы не преуспели. Но мы – не преступники, мы просто не так сильны, как Царь-Краген, или не так порочны и злобны, как он».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.